

phische Grundlagen der russischen Geschichte. — "Jahrbucher für Geschichte Osteuropas", 18, 1970, s. 161-204.

112 W. Kerr Fraser-Tytler. Afghanistan. New York, Oxford University Press, 1953, pp. 319-323; Hans Rogger. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. London, Longman, 1983, pp. 164-165.

113 Firuz Kazemzade. Russia and Britain in Persia. 1864-1914. A Study in Imperialism. New Haven, Yale University Press, 1968, p. 15.

114 Dietrich Geyer. Der Russische Imperialismus. 1977, s. 80-81.

115 "Дневник П.А.Валуева. 1865-1876 гг." под ред. П.А. Зайчковского. т. 2, М., 1961, стр. 60-61 (запись от 20 июля 1865 г.).

116 Charles Allen. A Mountain in Tibet. The Search for Mount Kailas and the Sources of the Great Rivers in India. London, Futura, 1983, pp. 192-193.

117 G.N. Curzon. The Pamir and the Source of the Oxus. London, Royal Geographical Society, 1898, p. 1.

118 Emmanuel Sarkisyanz. Russland und der Messianismus, s. 105, 211.

119 Robert Strausz-Hupe. Geopolitics. The Struggle for Space and Power. New York, Putnam, 1942, p. 155.

Дьердь Чепели, Антал Оркенъ

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ И ЧУВСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Внимание политиков вновь приковано к вопросу о том, как национальные и этнические группы соотносятся с интегрирующими их государственными структурами. Проблемы мирного или натянутого сосуществования между различными группами этнического большинства и меньшинства в восточноевропейских обществах и возрождение там национализма, шовинизма, антисемитизма и дискриминационного отношения к цыганам вновь возродились в качестве одного из измерений общественной жизни. Эти тенденции ставят общества Восточной и Центральной Европы лицом к лицу с разъедающим их изнутри феноменом, который постепенно отравляет само их существование, предательски воздействуя на взаимоотношения людей, их общение и совместное проживание. Пока продолжалась эйфория по поводу внезапной кончины социализма, эти вещи не вызвали особого беспокойства, но с тех пор различные симптомы этой болезни успели умножиться и сейчас в изобилии проявляются как на политической сцене, так и в обыденной жизни. Националистические обертоны все более явственно прослушиваются в венгерских оценках румынского национального восстания. Премьер-министр Венгрии заявил, что он ощущает себя духовным лидером всех 15 млн. этнических венгров, живущих в регионе. В Словакии словацкий язык получил статус государственного, что ограничивает там использование венгерского и украинского языков. Уже в самые первые дни независимости Литвы возникли сомнения относительно будущего гражданства польского и русского меньшинств в населении этой страны. Национальное собрание Румынии желает такой конституции,

которая провозгласила бы ее этнически однородным государством-нацией. Остается упомянуть кровавую гражданскую войну всех против всех в Югославии: сербы против хорватов, албанцы против сербов, хорваты против мусульман, мусульмане против сербов. В постсоциалистических странах прилагательное "национальный" стало поистине всепроникающим — его применяют буквально ко всему, от будущего среднего класса до медицины и образования. В каждой из этих стран как стоящие у кормила политической власти группы, так и новоявленные национальные идеологи оценивают конфликты своего региона исключительно с национальной точки зрения, используя ее в качестве ориентира политических действий.

Почти все без исключения политики и идеологи выглядят неспособными преодолеть личные симпатии, которые они, вне всякого сомнения, испытывают к основанным на предрассудках мнениям и ценностным суждениям широкой публики в своих странах. С другой стороны, они в публичных выступлениях и политической деятельности не уделяют достаточного уважения к соблюдению международного права, нерушимости существующих границ, принципу территориальной целостности всех без исключения стран и повышению благосостояния сограждан.

Очевидно, эти проблемы приобретают исключительное значение в свете назревающих в регионе межгосударственных конфликтов и конфронтаций между этническим большинством и меньшинствами в каждой стране. Есть немало очевидных исторических, политических и даже социопсихологических причин и объяснений, которые следует принимать в расчет при анализе этих печальных симптомов и явлений. Наша цель, однако, состоит в изучении одного из основных понятий социальной организации, которому мы придаем ключевое значение, видя в нем необходимое условие безболезненного развития интеграционных процессов как между национальными обществами Центральной и Восточной Европы, так и внутри этих обществ.

Томас Маршалл, анализируя современный статус

государственного гражданства, выделяет три обширные области, последовательно расширявшие этот статус в ходе развития буржуазного общества:

1. XVIII столетие стало свидетелем появления *гражданских прав и прав человека* (свобода слова, совести и вероисповедания; равенство перед законом; уважение к человеческому достоинству и защита личности; свобода приобретать и иметь собственность).

2. В XIX столетии настала очередь *политических прав* (всеобщее равное избирательное право, тайное голосование, народное представительство, самоуправление, свобода организаций и объединений, право участия в политической жизни и в системе власти).

3. XX столетие добавило сюда *социальные права* (простирающиеся от фундаментальных прав, обусловивших развитие общества всеобщего благосостояния, до полного спектра прав, гарантирующих социальное обеспечение и включающих право на уровень жизни в соответствии с принятыми обществом стандартами, право на работу как средство существования, на здоровье, доступ к знаниям, равноправие женщин и защиту детей, стариков, больных и инвалидов).

Это расширение и углубление статуса гражданства было результатом длительной борьбы. Решающую роль в этом сыграло обстоятельство, что ценности социального равенства и справедливости лежали в основе легитимности современных буржуазных обществ Западной Европы и Северной Америки. Маркс, конечно, критиковал эти общества именно за присущие им неравенство и несправедливость, указывая, что рыночная экономика и вытекающие из нее отношения собственности с неизбежностью порождают общественное неравенство и несправедливое распределение богатства. В буржуазной демократии он видел просто уловку правящего класса, предназначенную для обмана общества, считая ее идеологию и практическое применение средством сокрытия истинной природы правления буржуазии. Истина, однако, в том, что последовательное расширение статуса гражданства вело к постепенному сглаживанию неравенства: ни в коей мере

не замедляя развитие рыночной экономики, оно ускорило ее прогресс, порождая динамическую классовую организацию общества, основанного на равных возможностях для всех, и обеспечивая непрерывное воспроизводство открытой для всеобщего участия плюралистической демократии.

Отнюдь не самый значимый аспект описанного процесса развития состоит в том, что члены обществ, в фундаменте которых лежит современное понятие гражданства, приобретают потребность постоянно бороться с неравенством, порождаемым рыночной экономикой и присущими ей образом жизни и характером потребления. Гораздо важнее, что современная теория и практика статуса гражданства создают определенный универсальный стандарт. Он не только служит эталоном выравнивания и упорядочения деталей классовой или статусной иерархии, но и создает основу для устранения специфического неравенства, которое возникает из этнических, национальных, религиозных и даже половых различий.

Из всеобъемлющей интерпретации гражданства вытекает, что любому подданному государства гарантируется и действительно обеспечивается национальная идентичность в той мере, в какой особые интересы индивидуумов не ограничиваются рамками, порождаемыми социокультурными различиями между ними. В этом ключ к пониманию того, как и почему в Соединенных Штатах белые и черные, представители самых различных этнических меньшинств и религиозных конфессий могут считать и называть себя прежде всего американскими гражданами. Это также объясняет, почему во Франции XVIII столетия, разделенной на множество национальных, этнических и религиозных групп, критерий гражданства, зафиксированный в революционной конституции, состоял не в том, чтобы быть французом по рождению, а чтобы принадлежать Французской республике — этого было достаточно для обладания полноправным правовым статусом. Такое толкование статуса гражданства играет решающую роль в сокращении дистанции между нациями-государствами и эффективной интеграции народов, этнических групп и меньшинств.

Такая интерпретация гражданства создает фундамент мультикультурной интеграции в сегодняшней Западной Европе. Цель этой интеграции состоит отнюдь не в нивелировании культурных различий и устранении множественности культур, но в создании единой интегрированной системы культурных координат для гетерогенного мира. Любая нынешняя дискуссия о будущей объединенной Западной Европе, основанной на таком единстве ее различных частей, должна исходить не из туманных общих мест, а из четко сформулированной предпосылки, что только универсальный подход к статусу гражданства и осознанная потребность в таком подходе в состоянии породить тот тип единства, в рамках которого смогут сосуществовать языковые, культурные, исторические, этнические и религиозные расхождения и различия. Тогда на месте былых государственных границ останутся только духовные, возникнет единый рынок труда и капитала, и появится возможность говорить о зарождении новой европейской культуры. В этом случае вавилонская башня сможет избежать разрушения.

Если последовать за Брайаном Тернером и расширить классическую модель Маршалла таким образом, чтобы статус гражданства включал в себя право на осмысленную и приносящую удовлетворение работу и право на культурное общение, мы придем к глобальному критерию, способному создать фундамент для политической демократии, личной свободы и цивилизационного прогресса в максимально широком смысле этих понятий. Обладание гражданством в этом смысле уже не сводится просто к принадлежности к какому-то государству, но дает шанс на включенность в современную цивилизацию, не ограниченную рамками отдельных стран и континентов. Тогда, согласно нашей интерпретации, статус гражданства начинает означать нечто большее, чем основу государственной организации, — а именно: совокупность прав, обязанностей и гарантий — ключ к межгосударственным отношениям. Таким образом, этот статус делается основой образа жизни, создавая перспективы современного цивилизованного существования и направляя отношения и

контакты между людьми, независимо от их языка, религии и места жительства.

Может показаться, что все это не имеет ни малейшего касательства к отношениям между нациями-государствами Восточной Европы и судьбе национальных меньшинств этого региона, но, по нашему мнению, такое суждение было бы совершенно неправильным.

Развитие наций-государств ознаменовало пик политической и социальной эволюции наций как движущих сил в новой истории Европы, их кульминацией стала замена феодально-династической идеи государства на иную его концепцию, опирающуюся на принципы верховенства народа, независимой государственности, территориальной целостности и современного международного права. Независимо от того, вырастали ли порожденные этим процессом нации-государства из предшествовавших им во времени феодальных государств или их государственность создавалась искусственно, а уже затем давала начало возникновению нации как политической целостности, само закрепление национально-государственных структур, как отметил Шаба Гомбар, порождало ситуацию, когда "обитатели стран, формирующих национальную государственность, зачастую имели соплеменников, проживающих в качестве меньшинств в других странах — либо потому, что когда-то история разбросала их всех по разным местам, либо из-за исторически нестабильного определения границ, порожденного международными конфликтами". Поэтому национальные меньшинства стали неотъемлемой частью европейского этнического ландшафта. Однако следует подчеркнуть, что тяжесть политических и социальных проблем, созданных возникновением национальных меньшинств, равно как и степень их социальной и политической интеграции, отнюдь не одинаковы в разных частях европейского континента.

Чтобы объяснить это обстоятельство, необходимо изучить происхождение современных наций-государств и понять, в чем они видят источник суверенной демократической государственности и какой именно фактор полагают основой своей легитимности. Мы согласны с Гомбаром,

что источником жизнеспособности государства являются его граждане, эффективно пользующиеся своими конституционными правами и исполняющие свои конституционные обязанности. Поэтому государство получает политическую легитимность от суверенной личности, которая прежде всего является членом политического сообщества, определенного конституцией государства, а уже через это членом прочих сообществ, определяемых в психологических, идеологических, культурных или мировоззренческих терминах, безотносительно к тому, состоят ли эти сообщества исключительно из граждан данного государства или нет.

Нации-государства Центральной и Восточной Европы, по первому впечатлению, уже достигли этого уровня в посткоммунистический период. Былая брешь между Западной и Восточной Европой в отношении политических прав, судя по всему, постепенно сужается. Однако тревожные симптомы, перечисленные в начале статьи, показывают, что реальная ситуация не столь проста. Усложняющаяся структура статуса гражданства, описанная Маршаллом, развивалась в Западной Европе в течение столетий, прежде чем достигла сегодняшней зрелости. Конечно, идеализировать результаты этого развития было бы ошибкой: положение национальных и религиозных меньшинств в некоторых западноевропейских странах вызывает беспокойство. Однако нигде в идеологических конфликтах не ставится под сомнение концепция демократического гражданства, в принципе остающаяся фундаментом сотрудничества, основанного на взаимных уступках и поиске консенсуса, даже если в некоторых случаях его достижение может оказаться безнадежным, как, например, в Северной Ирландии.

Восточноевропейские государства-нации возникли относительно поздно. Раньше они были составными частями империи: некоторые сохранили какие-то остатки прежней феодальной государственности, а другие вовсе не имеют исторического опыта самостоятельной государственности. Но каким бы ни было историческое прошлое этих стран, их жители никогда не обретали полного статуса гражданства;

да этому статусу и не уделялось должного политического и идеологического внимания, поэтому там не могли возникнуть общественные движения за расширение статуса гражданства. Когда после первой мировой войны в Центральной и Восточной Европе возникли современные нации-государства, положение и самосознание их граждан характеризовалось скорее чувством зависимости и подчиненности, нежели набором демократических прав — политических, экономических и культурных. Более того, все эти государства сталкивались с громадным экономическим и социальным неравенством; отсталость порождала стремление к модернизации и развитию социальной интеграции, основанной на конкуренции. По удачному замечанию Миклоша Сабо, в отсталых странах "вопросы социальной интеграции приобретают качества национальной проблемы в гораздо большей степени, чем в развитых странах". Что еще важнее, эти вопросы "переплетаются с национальными предрассудками, а кроме того то, что в более развитых странах считалось бы просто общественными предрассудками, здесь может выступать в облики откровенно национальных предрассудков".

В нашем веке политические элиты в странах восточноевропейского региона, пытаясь ликвидировать собственную отсталость, обратились к двум мощным политическим идеологиям — национализму и социализму. Сегодня очевидно, что обе эти идеологии потерпели крах. Несмотря на то, что цели модернизации были в некоторой степени достигнуты, эти страны не смогли продвинуться в общественном развитии, основанном на понятии гражданства, сформулированном выше. Поэтому и в постсоциалистический период восточноевропейский регион продолжает оставаться вне новой освобождающей гуманистической поликультурной цивилизации конца XX века, подобно тому, как он и раньше отставал в своем общественном развитии.

Господство националистической идеологии навязало обществу национальную гомогенизацию, лишаящую реального содержания любые демократические формы самосознания граждан. Верность нации превратилась в мо-

ральный императив, порождавший произвольную и дискриминационную классификацию граждан. Развитие личности было блокировано централистскими и абсолютистскими структурами, искавшими собственную легитимность в идеализированной псевдоисторической традиции, получившей название национальной. Даже там, где смогли как-то развиваться современные экономические, политические и культурные институты гражданского общества, например в Венгрии, они оказались чуждыми и поверхностными по сравнению с национальным элементом.

Вновь созданные нации-государства Центральной и Восточной Европы страдали неуверенностью в себе и территориальной неудовлетворенностью. Это объясняет, почему многие из них поспешили воспользоваться удобным случаем поставить под угрозу собственную независимость, соперничая за милости нацистской Германии, добивавшейся господства во всем регионе. Это вовлекло их во вторую мировую войну, закончившуюся для них полным поражением; и это же фатально ослабило их шансы на трансформацию в демократическое гражданское общество. Многие граждане якобы независимых Словакии, Хорватии, Сербии, Венгрии и Румынии были вынуждены изменить свое гражданство, не получив при этом никаких дополнительных прав. В то же время такие национальные меньшинства как евреи и цыгане оказались в ловушке непримиримого конфликта как с национальной принадлежностью, определенной в терминах этнического происхождения, так и с гражданской принадлежностью. Были приняты расовые законы, и тогда уже ничто не могло сдержать лавину политической дискриминации, которая принесла с собой преследования и массовые убийства невиданных ранее масштабов.

К сожалению, нигде в этом регионе после поражения нацистской Германии и ее союзников не возникла возможность пересмотра национальных ценностей, демократического переопределения отношений между гражданством и национальной принадлежностью. Господство в регионе перешло от Германии к Советскому Союзу: принятая им социалистическая идеология, несмотря на

внешний интернационализм, на практике легко допускала коллективную дискриминацию.

Социализм и сам стремился к модернизации, добиваясь которой общества Восточной Европы пришли к тотальной централизации. Были уничтожены даже следы автономии, существовавшей в некоторых восточноевропейских странах перед второй мировой войной. Власть полностью перешла к бюрократической элите, открыто презиравшей демократические идеи, прогрессирующие в Европе со времен Просвещения.

Поскольку социалистическая система не знала ни демократического государства, ни демократически настроенных граждан, она только увеличила по сравнению с прошлым подчиненность своих подданных. В то же время блокировалось любое серьезное обсуждение национального вопроса или отношений гражданства, и вытекающие отсюда проблемы оставались нерешенными. Отношение бюрократической элиты социалистических государств к национальному вопросу было удачно выражено сталинским лозунгом "национального по форме, социалистического по содержанию". Первоначально обладатели политической власти по большей части игнорировали национальные и этнические проблемы. Можно сказать (это имеет особое отношение к Венгрии), что навязанная обществу трансформация, включающая коллективизацию, индустриализацию и "отказ от буржуазного прошлого", практически никак не была связана с этническими или национальными категориями. А когда национальный вопрос в конце концов всплыл на поверхность, понятие национальной независимости принимало форму или торга "колонизированных" стран за милости их советских хозяев или волнений подданных социалистической системы. Позднее, когда бесперспективность государственного социализма стала более очевидной, политические элиты ряда социалистических стран, особенно Румынии, нашли выход в откровенном национализме былых времен, что в отсутствие демократических политических и экономических структур лишь затемняло перспективы гармоничного соотношения гражданства и национальной принадлежности.

Хотя крушение социализма во всех странах Центральной и Восточной Европы проходило под демократическими лозунгами, сама по себе демократизация политической власти вряд ли была в состоянии преодолеть перекосы во взаимоотношениях между государством и его гражданами. В фазе постсоциалистического переходного периода перемены в экономике происходят гораздо медленнее политических изменений. Для всех освободившихся от социализма стран характерно упорное сопротивление старой перераспределительной экономической системы и ее бюрократии, весьма склонной искать идеологическую поддержку у национализма.

Другой не менее важный фактор — это отсутствие в обществе слоя буржуазии. Поскольку в Восточной Европе не смогло возникнуть современное классовое общество, здесь так и не появилось той системы идеологических координат, в которой статус гражданства мог бы стать интегрирующей силой, способной противостоять общественному и культурному неравенству. Поэтому в период системных изменений предложения о социальной интеграции обычно исходят сверху и приобретают национальную и даже националистическую окраску. Психологически это очень опасно, так как жители всех восточноевропейских стран оказались застигнутыми переменами врасплох. Их прежние ориентиры внезапно исчезли, оставив их незащищенными от оболыщения ложными политическими решениями. Не следует ожидать и быстрого прихода альтернатив европейского типа снизу, просто в силу практического отсутствия в странах региона гражданского общества.

Начав в 1989 г. социологическое обследование будапештской интеллигенции с целью выявления присущего ей идеологического и политического сознания, мы хотели, в частности, узнать, что думают респонденты о нации и критериях принадлежности к нации-государству, насколько их мышление ориентировано националистически. Результат лучше всего проясняет обсуждаемую сейчас проблему. Он состоял в том, что очень значительная часть опрошенных (свыше 50%) не принимала гражданство в ка-

честве критерия принадлежности к национальной общности венгров. Это подтвердило наше убеждение, что все более преобладающее на Западе современное видение статуса гражданства и вытекающее отсюда понимание гражданства как основы определения нации почти отсутствует в расхожих интерпретациях национальной интеграции в нашей части Европы. Респонденты явно предпочитали иные критерии принадлежности венгерской нации, выражаемые в терминах культуры, языка и ощущения самого себя венгром. Это указывает на возрождение или оживление исторического национального чувства, на процесс гомогенизации на национальной основе и на общественное предпочтение однофакторного понимания национальной принадлежности. Все это должно сочетаться с определенной степенью неприятия других социоэтнических групп и, возможно, даже с дискриминационным отношением к ним, которое не может быть ликвидировано или ограничено правовыми гарантиями. Используя выражение Дьердь Конрада, можно сказать, что наши результаты отражают общественное приятие восточно-европейской монокультурной дезинтеграции.

Подведем итоги. Суть наших аргументов в том, что если усилия общества по обретению интеграции базируются на культурном, а не на политическом понимании национально-государственной принадлежности, они не могут не вести к насильственной гомогенизации общества, дискриминационному отношению к "чужакам" и даже к их устранению из общественной жизни и возникновению новых типов неравенства и социальной несправедливости. Напротив, если единственным мерилom определения как нации-государства, так и общества является статус гражданства, то остается достаточно места для разносторонней и многофакторной интеграции и аналогичного осознания национальной и государственной принадлежности. В этом случае граждане всегда могут найти путь к уменьшению неравенства и несправедливости, вытекающих из господствующих в обществе социокультурных отношений, а национальная принадлежность и религиозно-этническая автономия могут найти для себя

достойное место в ряду других культурных и коммуникационных приоритетов.

Но этот процесс не будет развиваться автоматически. Сколь бы благоприятными ни были экономические, политические и общественные перемены, нельзя забывать о важности просвещения общества. Поэтому мы бы хотели сформулировать ряд предложений о мерах, которые в странах Восточной и Центральной Европы облегчили бы путь друг к другу чехам, словакам, венграм, румынам, сербам, хорватам, словенцам, полякам, латышам, литовцам, эстонцам и украинцам.

Переоценка исторического знания

Исторические исследования во всех странах Центральной и Восточной Европы отягощены этноцентрическими извращениями, не позволяющими историкам разных стран принимать во внимание взгляды друг друга. Видя события былых времен через призму сегодняшних разногласий, они пытаются раздробить на части и общее прошлое. В итоге возникает такая картина исторического процесса, в которой выигрыш одной нации достигается за счет чьих-то потерь. Ясно, что до тех пор, пока историки каждой страны будут смотреть на прошлое исключительно со своей национальной точки зрения, различия в их мнениях примирить не удастся. Однако сторонники этих несовместимых воззрений не в состоянии найти для них окончательного оправдания. Им не дано заявить о своей непогрешимости, поскольку историческое знание не абсолютно — переписыванием истории занимается каждое новое поколение. Для понимания относительности всех исторических суждений полезны открытые дискуссии и постоянное общение. Поэтому нужно кончать с нынешней практикой проведения ложных исторических параллелей с сегодняшними экономическими и политическими конфликтами и приспосабливания результатов исторических исследований к текущим идеологическим требованиям.

Множественность определений национальной принадлежности

Жители всех стран региона могут определять свою национальную принадлежность различными способами и на различной основе. Нельзя, используя одни критерии, запрещать другим людям, также заинтересованным в идентификации своей национальной принадлежности, апеллировать к чему-то еще. Сознание национальной принадлежности имеет положительное эмоциональное ядро, и не нужно делать его основой для того сорта "племенной" национальной идентификации, которая предполагает проведение различий между "подлинной" и "ложной" идентификациями. Координаты, в которых определяется национальная принадлежность, никого не должны вынуждать к ассимиляции или служить основой для отчуждения и дискриминации.

Терпимость к многостороннему пониманию национальной принадлежности

Как отмечалось выше, само существование в современных обществах весьма различных групповых связей стимулирует возникновение сложной матрицы перекрещивающихся определений всевозможных групп, причем среди них присутствуют и такие, которые создают основу для идентификации гражданства. Это делает относительными сами понятия большинства и меньшинства, поскольку один и тот же человек может в одних случаях принадлежать к большинству, а в других — к меньшинству. Это трансформирует опыт меньшинства, делая его эмоциональной связью во взаимодействии между личностью как гражданином и как членом какого-то меньшинства.

Знакомство и признание

Осложнения в отношениях между нациями нередко возникают просто из-за недостатка фактических знаний. фактические послышки и концептуальные результаты раз-

личных наук об обществе создают необходимую основу для серьезного обсуждения национальных и международных проблем. Различного рода интерпретативные и объяснительные модели нуждаются в разностороннем обсуждении, которое может быть плодотворным лишь в том случае, если оно покоится на надежном фактическом знании. Конечно, оценочные расхождения неизбежны, но на место взаимным предубеждениям и произвольному приписыванию друг другу враждебных намерений должны прийти открытость споров и взаимное уважение к ценностям каждой стороны.

Школьное образование, средства массовой информации, книгоиздательство и различного рода программы бесплатного образования должны культивировать познавательные модели, создаваемые наукой и искусством. Нужно сместить акцент от инструктивного преподнесения к неустанному пропагандированию образа людей и обществ, свободных от предрассудков и стереотипов.

Контакты

Очень важно пропагандировать и поддерживать любые формы сотрудничества на государственном уровне и связи между людьми, принадлежащими к различным национальным и этническим группам (спортивные клубы, местные ассоциации, профессиональные общества, породненные города, вненациональные идеологические и религиозные движения, молодежные организации и т.п.). Такие контакты способствуют смене ощущения различий на ощущение близости.

Совместные действия

Важным интегрирующим фактором являются совместные деловые предприятия, все участники которых или вместе получают прибыли, или вместе терпят убытки. Взаимопонимание и реакции, свободные от предрассудков, облегчаются и совместными политическими действиями, например по защите окружающей среды. Государство мо-

жет предоставлять налоговые льготы и оказывать иную помощь экономическим, политическим, научным и культурным институтам и деловым предприятиям, действующим на межнациональной и межэтнической основе или сознательно ищущим свою клиентуру среди членов различных групп.

Гражданское демократическое просвещение

Каждое новое поколение не наследует биологически, а приобретает национальные предрассудки. Поэтому школы, молодежные организации и другие образовательные предприятия (летние лагеря, учебные экскурсии, обучение детей языкам, мультикультурное образование, школьные обмены) должны стремиться сделать привлекательной для молодого поколения идею, что оно сможет жить лучше, не наследуя предрассудки родителей. Они обречены на потерю репутации как личности и как члены церквей, наций и меньшинств, если не признают достоинств тех, кто отличен от них самих, и не будут искать общую для всех почву. С другой стороны, такое признание обеспечивает более надежную дорогу к пониманию не только других, но и самих себя. Это верно как для отдельных личностей, так и для наций.

Терапевтические идеи, перечисленные в этой статье, очень помогли людям в Западной Европе и Соединенных Штатах осознать, что не существует политически или психологически привлекательных альтернатив современной концепции гражданской принадлежности. Конечно, эти идеи не дают автоматических гарантий отмирания предрассудков, но демократическая политическая социализация может обеспечить невосприимчивость к национальным предрассудкам, что создаст общественный климат, осуждающий и запрещающий их открытое проявление. В такой обстановке никто не сможет рассчитывать на безопасное выражение юдофобских, антицыганских или шовинистических мнений.

Демократически настроенные граждане — залог существования демократического государства. Однако из ни-

чего демократы не возникают. Их появление на свет — результат многих энергичных и хорошо спланированных усилий в сфере социального образования и социальной терапии на протяжении ряда поколений. Современные граждане — продукт общества, основанного на свободном предпринимательстве, равенстве возможностей и плюралистической политике, свободные и мыслящие люди, способные к рациональным действиям и преодолению предрассудков.

Такие граждане отнюдь не испытывают самодовольства, поскольку их всегда беспокоит ощущение бренности земного существования; они постоянно стремятся к истине. Но у граждан Центральной и Восточной Европы сегодня совсем другие источники неудовлетворенности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allport, G.W. 1958 (1954): The Nature of Prejudice. Garden City, NY: Doubleday & Co.
- Csepeli, Gy. and Orkeny, A. (1992): The Twilight of State Socialism. The Political Belief System in Hungary in the Year of Peaceful Revolution. London: Pinter Publishers (forthcoming).
- Gombar, Cs. (1980): Politika címszavakban (Politics in Catchwords). Budapest: AJTK.
- Konrad, Gy. (1991): "Identitas es hiszteria" (Identity and Hysteria), Beszelo, Vol. II, no. 32.
- Marshall, T.S. (1950): Citizenship and Social Class. Cambridge: Cambridge University Press.
- Szabo, M. (1989): Politikai kultúra Magyarországon 1896-1986 (Political Culture in Hungary, 1896-1986). Budapest: Atlantis Programm.
- Turner, B. (1991): "Postmodern Culture, Citizenship, and Democracy". Paper presented at the conference Quality of Citizenship, Utrecht.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кэтрин Фицпатрик

ОПЫТ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВООЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ*

В свете нынешних бурных событий, происходящих в Советском Союзе, моя тема наверняка может показаться экзотической. Именно поэтому я хотела бы ознакомить вас не только с общей картиной всего многообразия форм деятельности американских правозащитных групп, но и попытаться извлечь из их опыта несколько уроков и принципов, которые, возможно, окажутся полезными и в вашей ситуации, а также помогут вам в это трудное время поддерживать диалог и сотрудничество с международным правозащитным движением.

Среди американских пацифистов популярна пословица: "Думай в мировом масштабе, действуй в местном". Вы все настолько поглощены насущными "местными" проблемами своей страны, что вам, возможно, трудно поверить, что кто-то уже пережил то, что теперь переживаете вы, а многие до сих пор находятся в гораздо худшем положении.

Как вы знаете, термин "права человека" по-настоящему широко распространился только в 70-е годы, и для многих американцев он связан с деятельностью администрации Картера, когда права человека впервые стали неотъемлемой частью международной политики. Конечно, и до этого Америка руководствовалась моральными принципами в своих международных действиях; можно вспомнить речь генерала МакАртура на борту корабля, где он принимал капитуляцию Японии в конце второй мировой войны, и его слова, что американцы сражались "за свободу, справедливость и терпимость". Можно вспомнить

* Доклад на первой сессии семинара по правовой культуре, организованного Московской Хельсинкской группой (февраль 1991 г.)